

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

На правах рукописи

СУБРАКОВА Вия Васильевна

КОНСОНАНТИЗМ НИЖНЕ-ТЁЙСКОГО ГОВОРА
САГАЙСКОГО ДИАЛЕКТА ХАКАССКОГО ЯЗЫКА:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Специальность 10.02.20
«Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание»

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Новосибирск – 2005

**Работа выполнена в Секторе языков народов Сибири
Института филологии ОИИФФ Сибирского отделения РАН**

- Научный руководитель: доктор филологических наук
И. Я. Селютина
- Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
чл.-корр. РАН **К. Н. Бичелдей**

кандидат филологических наук,
доцент **Г. В. Кыштымова**
- Ведущая организация: **Горно-Алтайский государственный университет** (Кафедра
алтайского языка и литературы)

Защита состоится 28 июня 2005 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 003.040.01 по защитам диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» при Институте филологии СО РАН по адресу:
630090, г. Новосибирск, ул. акад. Николаева, д. 8;
тел. (3832) 30-53-46; 30-84-69;
e-mail: lefi@philology.nsc.ru;
fax: (3832) 30-15-18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН.

Автореферат разослан 27 мая 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

А. А. Мальцева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Хакасский язык – это язык коренного населения Минусинской котловины и предгорий Западных Саян, проживающего на территории современной Республики Хакасия – в верховьях рек Абакан, Чулым, Енисей [Бутанаев 1995: 5]. Хакасы – молодая тюркоязычная народность, включающая в себя ряд разнородных этнических групп [Радлов 1929: 16] и не имевшая еще в позапрошлом веке общего самоназвания. Этноним «хакасы», представляющий собой китайское название племени (*хагуас*), жившего в древности в отрогах Саян, был принят после 1917 г. [Карпов 1966: 428]. В 1926 г. формирующийся хакасский литературный язык получил письменность на русской основе, которая используется и в настоящее время. Первая хакасская грамматика написана Н.П. Дыренковой [1948]. Исследования в области фонетики, грамматики и лексикологии проводятся в настоящее время лингвистами Института гуманитарных исследований Республики Хакасия и Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова.

Современный разговорный хакасский язык вследствие этнической неоднородности его носителей состоит из четырех территориальных диалектов [Патачакова 1992], различающихся, прежде всего, фонетическими особенностями. Диалекты прошли длительный процесс нивелирования, в результате чего были выработаны некоторые общие нормы, лежащие сейчас в основе общенародного хакасского языка и базирующиеся главным образом на двух основных диалектах – качинском и сагайском [Письменные языки мира 2000: 525]. Однако, как показывают исследования, хакасский литературный язык еще не окончательно сформировался, опорные диалекты – сагайский и качинский – сохраняют свою самобытность [Кыштымова 1990; 1995; 2001]; лингвистам необходимо исследовать все диалекты, а также составляющие их говоры и подговоры хакасского языка. Особенно остро задача сохранения и изучения лингвистических данных стоит перед фонетистами, поскольку выявить особенности артикуляционно-акустической базы этноса можно лишь при наличии носителей данного языка, диалекта или говора.

Цель работы – выявить состав и систему согласных фонем нижнетейского говора сагайского диалекта хакасского языка, путем сопоставительно-типологического анализа определить специфику консонантизма нижнетейского говора в ряду хакасских говоров и диалектов, а также контактных тюркских языков южносибирского ареала.

Для достижения намеченной цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) выявить шумные и малошумные согласные звуки, реализующиеся в потоке речи ниже-тёйцев, определить возможности их позиционно-комбинаторного распределения, установить типы медиально-биконсонантных сочетаний в корневых морфемах, на стыке корня и аффикса и на стыке аффиксальных морфем; 2) выявить состав, дистрибуцию и комбинаторику согласных фонем ниже-тёйского говора и их основные позиционно-комбинаторные оттенки; 3) используя инструментальные методы, определить артикуляторные и акустические параметры речевых реализаций согласных фонем; 4) определить систему основных и дополнительных конститутивно-дифференциальных признаков (КДП), структурирующих консонантную систему ниже-тёйского говора; 5) определить место фонологической системы согласных единиц ниже-тёйского говора в типологической классификации консонантных систем языков Сибири и сопредельных регионов; 6) путем сопоставления результатов данного исследования с материалами, опубликованными в тюркологической литературе по другим говорам и диалектам хакасского языка, а также по тюркским языкам Южной Сибири, определить специфику консонантизма ниже-тёйского говора на фоне опорных диалектов хакасского литературного языка, а также других родственных языков.

Методика исследования. В работе применен комплекс методов, включающий субъективные методы непосредственных аудио-визуальных наблюдений автора и показаний информантов; собственно лингвистические методы дистрибутивного анализа с использованием правил выделения фонем Н.С. Трубецкого, критериев дополнительной и контрастирующей дистрибуции и свободного варьирования, методы минимальных пар (квазиомонимический анализ) и остаточной выделяемости; а также инструментальные методы – соматические (статического рентгенографирования и дентопалатографирования) и акустические методы с использованием компьютерных программ создания и конвертации звуковых файлов (CoolEdit, Audiocon, CoolPro) и обработки звуков речи (WinCecil, SpeechAnalyzer).

Предмет исследования – система согласных ниже-тёйского говора сагайского диалекта хакасского языка в сопоставлении с аналогичными системами родственных языков и диалектов.

Объект исследования – речь носителей ниже-тёйского говора.

Материалом исследования послужили хакасские словоформы, выписанные из Хакасско-русского словаря [1953]. Во время экспедиций эти

словоформы записывались в произнесении информантов, расписывались на карточки и обрабатывались; проанализировано более 1000 карточек-словоформ. Для изучения артикуляторных параметров реализаций согласных фонем говора снято 27 рентгенограмм по двум дикторам и 110 дентопалатограмм от трех дикторов. Для определения акустических характеристик согласных были созданы с помощью компьютерных программ CoolEdit и CoolPro звуковые файлы (более 300) и обработаны в программах WinCecil и SpeechAnalyzer по показателям осциллограмм, спектрограмм, огибающих кривых основного тона и интенсивности. Результаты метрической обработки экспериментального материала занесены в таблицы в абсолютном и относительном выражении и описаны. Для проведения сопоставительно-типологического анализа использовались результаты, опубликованные в трудах отечественных тюркологов.

Научная новизна. Данная работа является первым специальным исследованием фонетики ниже-тёйского говора сагайского диалекта хакасского языка. Впервые система согласных ниже-тёйского говора описывается с использованием объективных экспериментально-фонетических методов. Выявлен инвентарь фонем, их дистрибутивно-комбинаторные характеристики, некоторые морфонологические закономерности, определен структурный тип консонантизма, выявлены доминантные характеристики ААБ ниже-тёйцев, установлена общность и специфика структурно-таксономической организации консонантизма в южно-сибирских тюркских языках. На основании анализа экспериментального материала установлен переходный характер системы согласных ниже-тёйского говора – оппозиция по длительности вытесняется оппозицией по звонкости-глухости.

Положения, выносимые на защиту

1. Инвентарь согласных фонем в ниже-тёйском говоре насчитывает 17 единиц: 10 шумных фонем – [p], [p:], [t], [t:], [s], [s:], [ʒ~], [tʃ:], [χ], [χ:], и 7 малошумных – [m], [n], [r], [l], [j], [o], [n].

2. Консонантизм ниже-тёйского говора носит переходный характер: подчиняясь законам внутреннего развития, а также испытывая сильное влияние русского языка, квантитативно ориентированная система согласных перестраивается на оппозицию по звонкости-глухости. Об этом свидетельствуют результаты акустического анализа: если параметры интервокальных шумных согласных указывают на фонематичность противопоставления единиц по темпоральным признакам, то для медиально-постсонантных реализаций фонем зоны разброса квантитета частич-

но перекрывают друг друга, равно как и зональное распределение параметров глухости/звонкости; однако средние относительные данные указывают на становление системы, организованной оппозицией единиц по работе голосовых связок.

3. Существенное оглушение сонорных согласных l, r, j (до 74,6% длительности звука) в препозиции к шумным глухим и в позиции абсолютного конца слова указывает на некорректность использования термина «сонорные» применительно к ниже-тёйскому говору сагайского диалекта хакасского языка; рассматриваемый класс согласных квалифицируется как класс малошумных консонантов.

4. Позиции внешнего сандхи – анлаутного и ауслаутного – являются своеобразным маркером степени анализизма данного словосочетания: если оно осознается как свободное словосочетание, то в анлауте второго слова или в ауслауте первого функционируют долгие глухие фонемы [p:], [t:], [s:], [tʃ:], [χ:]; если же словосочетание стянулось в сложное слово, лексикализовалось, представляет собой аналитическую форму глагола, то в анлауте второго его компонента или в ауслауте первого реализуются краткие фонемы [p], [t], [s], [tʃ], [χ] в своих звонких или озвонченных аллофонах.

5. Сопоставление результатов исследования ниже-тёйского консонантизма с данными, приведенными В.В. Радловым в фундаментальном труде «Phonetik der Nördlichen Türkischen Sprachen» [1882], позволило выявить закономерности, характеризующие динамику развития сагайского консонантизма за последние полтора века (если учитывать предшествующий изданию период сбора материала): констатируемые на современном синхронном срезе сагайского диалекта (ниже-тёйский говор) процессы спирантизации смычных и аффрикат, расширения сферы функционирования сонорных (малошумных) согласных свидетельствуют о развитии системы по пути ослабления напряженности как артикуляционно-базового признака.

6. Сопоставление ниже-тёйского консонантизма с системами согласных южносибирских тюркских языков позволило выявить общее и специфическое как в инвентарях, так и в системах фонем.

В рассматриваемых языковых системах выделяется от 16 до 19 согласных фонем; лишь в шорском языке функционируют 35 единиц.

Все языки различаются по **составу шумных фонем**. Прежде всего, эти различия касаются количества фонем, соответствующих ниже-тёйским долгим. Наиболее развернутой и симметричной является система шумных согласных шорского языка, организованная по трихото-

мическому принципу. Все остальные системы – бинарные. Максимум несовпадений в инвентарях шумных согласных в южносибирских тюркских языках приходится на класс шипящих согласных – щелевых и смычно-щелевых.

Большее единообразие констатируется для состава *малозумных* согласных фонем. По инвентарю малозумных единиц ниже-тёйский говор совпадает с языком туба-кижи и с сут-хольским говором тувинского языка, то есть с тюркскими языками, входящими (полностью или по ряду признаков) в уйгуро-урянхайскую группу.

Языки этой же группы – хакасский и тувинский, а также язык барабинских татар объединяет отсутствие малозумной среднеязычной фонемы [ɲ], функционирующей в алтайском, кумандинском, чалканском и шорском языках; в языке туба-кижи согласный «ɲ» зафиксирован в качестве аллофона фонемы [j].

На фоне других южносибирских тюркских языков, в том числе и уйгуро-урянхайских, ниже-тёйский консонантизм отличается бедностью класса среднеязычных согласных – он представлен лишь малозумной фонемой [j]. Функционирующий в соседних тюркских языках среднеязычный смычный звук h (на фонемном или аллофонном уровне) в ниже-тёйском говоре отсутствует; фонемы [tʃ] и [ʒ], определяемые в контактных языках как среднеязычные или передне-среднеязычные, реализуются у ниже-тёйцев как переднеязычные.

Спецификой хакасских, в том числе и ниже-тёйских, гуттуральных согласных является реализация шумных фонем [χ] и [χ:] в смычных аллофонах «k», «q» – в мягкорядных словоформах, в щелевых «χ», «q» – в твердорядных, а также проявления малозумной фонемы [q] в слабо-смычных q (реже – в узкощелевом y) в мягкорядных словах и в щелевых «q» – в твердорядных. Таким образом, мягкорядные реализации заднеязычно-язычковых фонем отличаются от твердорядных не только локализацией, но и способом артикуляции.

В говоре не функционируют отмечаемые в контактных тюркских языках щелевой заднеязычный «x» и смычные язычковые «q» и «q» – класс ниже-тёйских гуттуральных фонем представлен меньшим количеством вариантов по сравнению с родственными языками.

Таким образом, хакасский язык, не имеющий среднеязычных согласных и включающий в аллофонную систему меньшее число гуттуральных единиц, характеризуется более передним консонантизмом, что определяет его специфику в южносибирском ареале и сближает с западными тюркскими языками.

С другой стороны, хакасский, кумандинский, тубинский, шорский и тувинский консонантизм объединяет наличие типично саяно-северо-алтайской малошумной фонемы [ɣ], не функционирующей в алтайском, чалканском и барабинско-татарском языках.

В отличие от других языков, в барабинско-татарском выделяется типично кыпчакско-тюркская губно-губная фонема [w]; в языке туба-кижи и в тувинском согласный «w» отмечается в статусе аллофона.

7. В рассматриваемых языках функционируют 3 типа **систем согласных фонем**. Нижне-тёйский консонантизм структурируется оппозицией единиц по **квантитативным** параметрам: шумные согласные противопоставлены как *краткие* и *долгие*, малошумные квалифицированы как *долготнонеопределенные*. Типологически сходны с нижне-тёйской системы алтайского, кумандинского, чалканского и тубинского языков.

Основным фонематическим признаком, организующим тувинский (в том числе и суг-хольский) консонантизм, является **степень напряженности** единиц системы: фонемы противопоставлены как *сильные/слабые/сверхслабые*; аспирация – сопутствующий КДП.

Иной тип систем согласных фонем, организованных противопоставлением по наличию-отсутствию глоттализации, констатируется в шорском и барабинско-татарском языках.

В шорском языке (мрасский диалект) система шумных согласных структурируется тройной оппозицией **по типу работы гортани и языка**: инъективно-эйективные/статичные/эйективно-инъективные; параметры длительности, напряженности, фарингализации и аспирации являются второстепенными КДП.

В языке барабинских татар система определяется оппозицией по **фарингализованности / нефарингализованности** настроек; степень напряженности обусловлена наличием/отсутствием фарингализации.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретические положения и выводы диссертационной работы могут быть использованы – и уже используются – в сравнительно-сопоставительных и типологических исследованиях фонетики тюркских языков, в диалектологических и лингвогеографических разработках, при написании фонетических разделов в учебниках и учебных пособиях по хакасскому, русскому и иностранному языкам для школ и средних специальных учебных заведений Республики Хакасия, при разработке лекционных курсов по тюркской фонетике для лингвистических отделений гуманитарных факультетов вузов Сибири.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и приложения.

Апробация работы. Основные положения исследования изложены в докладах на двенадцати международных конференциях и в восемнадцати публикациях общим объемом около 5 п.л.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, намечаются цели и задачи, определяются предмет, материал и методика исследования, излагаются положения, выносимые на защиту.

В **I главе «История вопроса. Понятийно-терминологический аппарат и методика исследования»** приводятся общие сведения о хакасском языке, определяется место ниже-тёйского говора в системе хакасских диалектов и говоров, излагаются основные результаты изучения тюркологами системы согласных хакасского языка, анализируются современные концепции фонологов-сибиреведов по вопросу о типологической классификации консонантных систем, намечается круг актуальных проблем, требующих решения.

Среди хакасоведов нет единства мнений по вопросу об инвентаре консонантных единиц даже на уровне литературного языка; тем более нет ясности в отношении его диалектов и говоров, некоторые из которых не имеют даже первичного описания звукового состава. Актуальным остается вопрос о системообразующих КДП: исследования родственных тюркских языков Южной Сибири указывают на необходимость пересмотра классификационных признаков, отхода от трактовки тюркского, в частности хакасского, консонантизма в традициях русистики как базирующегося на оппозиции по шумности / сонорности с дальнейшим разбиением шумных на глухие и звонкие.

Как свидетельствуют экспериментальные данные, консонантные системы языков саяно-алтайского региона имеют свою специфику: они структурируются оппозицией единиц по количественному признаку – *краткие, долгие, долготнонеопределенные* фонемы [Чумакаева 1972; 1978; Меркурьев 1975; Селютин 1983; 2000; Поспелова 1983; Сарбашева 2004; Кирсанова 2003]; для артикуляционно-акустической базы (ААБ) этих языков неприемлема сильная напряженность речевого аппарата при продуцировании шумных консонантов.

Такая особенность перечисленных языков, входящих в алтае-саянскую ветвь циркумбайкальского языкового союза [Наделяев 1986; 1989], трактуется как результат ассимиляции тюрками предшествующе-

го нетюркского – угро-самодийского – населения. Оппозиция согласных по шумности (слабости)/малошумности (сверхслабости) с последующим противопоставлением шумных по краткости/долготе есть результат наложения на угро-самодийскую субстратную систему с двойным противопоставлением согласных по слабости/сверхслабости тюркской суперстратной системы с тройной оппозицией сильных/слабых/сверхслабых консонантов.

Проблема определения структурного типа системы не получила последовательного решения в первом и пока единственном научном экспериментальном исследовании хакасского консонантизма, выполненном Д.И. Чанковым [1957]: долгота согласных фактически отождествляется с геминацией.

Учитывая сказанное выше, можно очертить круг проблем, решение которых предполагается в рамках данного исследования, выполняемого на материале одного из неизученных говоров сагайского диалекта – ниже-тёйского: 1) проблема фонематического статуса ниже-тёйских консонантов, в частности, интервокальных шумных «глухих» и «звонких» согласных, анлаутных согласных, согласных в позиции внешнего сандхи (начального и конечного); 2) проблема интерпретации звуков типа *g* и *o₁* (шумность – малошумность); 3) проблема КДП; 4) проблема принципов построения системы согласных: какими оппозициями структурируется консонантизм; 5) проблема общего и специфического в ААБ ниже-тёйского говора и базовых диалектов хакасского литературного языка.

Теоретическая проблема, в русле которой выполняется работа – типология фонологических систем в языках народов Сибири.

Во II главе «Состав согласных фонем ниже-тёйского говора сагайского диалекта хакасского языка» в результате лингвистического анализа дистрибуции и функционирования согласных звуков с опорой на смыслоразличительные критерии, в основе которых – участие или неучастие рассматриваемого звука в дифференциации семантики значимых единиц языка, выявлен **инвентарь согласных фонем**, включающий 17 единиц: 10 шумных – [p]₁, [p]₂, [t]₁, [t]₂, [s]₁, [s]₂, [ʒ̃], [tʃ], [χ]₁, [χ]₂, и 7 малошумных – [m], [n], [r], [l], [j], [o₁], [n̥]. При этом отмечается неустойчивость фонологического противопоставления [s]₁ – [s]₂: поддерживаемое единственной – постсонантной – позицией, оно имеет явную тенденцию к дефонологизации.

Правомерность выделения фонем подтверждается наличием квазиомонимов – полных и неполных: **пас** pas ‘голова’ – **тас** tas ‘камень’ – **сас**

sas ‘волосы’ – **хас** ɣas ‘гусь’; **хат** ɣat ‘баба’ – **пат** pat ‘тоний’ – **сат** sat ‘продавай’ – **чат** ʃ(ː~tʃ)at ‘ложись’; **күс** K’üs’ ‘сила’ – **түс** t’üs’ ‘сон’ – **чүс** ʃ’üs’ ‘сто’; **көпен** K’ür’ep’ ‘копна’ – **көбик** K’üb’^ʲk’ ‘пена’; **хаты** ɣatɥ ‘жена=его’ – **хады** ɣadɥ ‘ягода=его’, **хатап** ɣatap ‘снова’ – **хада** ɣadə ‘вместе’; **күче** K’üʃ(ː~tʃ)ɛ ‘суп’ – **күзе** K’üz’ɛ ‘зять’; **пычах** pɥʃ’ɛx ‘нож’ – **пача** paz’ɛ ‘свояк’, **ачы** aʃ(ː~tʃ)ɪ ‘киснуть’ – **ача** az’ɛ ‘брат’; **көк** K’ük’ ‘зеленый’ – **көг** K’üγ’ ‘веселье’, **iki** ɣkɣ ‘два’ – **эги** ɛ:ɣɥ ‘подбородок=его’; **таха** taɣə ‘каблук’ – **тагаа** taɣa: ‘горé’.

Определенные сложности возникают с фонологической трактовкой **гуттуральных** согласных.

Звук **q̣** (~ **q̣̄**), определяемый на слух как сверхслабый малозумный глухой или частично оглушенный заднеязычный слабосмычный или сверхъязкощелевой, употребляется в ауслaute мягкорядных слов: **китег** K’it’ɛq̣ (~ **q̣̄**) ‘подсматривание’, **кiстег** K’ɣs’t’ɛq̣ (~ **q̣̄**) ‘ржание’. При агглютинации звук **q̣** (~ **q̣̄**), оказавшись в медиально-интервокальной или медиально-преконсонантной позициях, либо выпадает и происходит стяжение гласных, либо, сохранившись, в позиции начала слога (а в потоке речи – и в позиции конца слога) утрачивает свои характеристики сверхслабости и малозумности, фактически чередуясь со слабым шумным **q**, напр.: **көг** K’üq̣̄ ‘веселье’ – **көбм** K’ü:mɪ [← K’üɣɣmɪ] ‘веселье=мое’ – **көб** K’ü: [← K’üɣɣ] ‘веселье=его’ – **көгде** K’üq̣d’z ‘на веселье’ – **көгзер** K’üq̣z’ɛɣ ‘к веселью’ – **көглер** K’üq̣l’ɛɣ ‘веселье (мн. ч.)’; **үг** üq̣̄ ‘окучивай’ – **үгер** üq̣ɣɣ ‘будет окучивать’ – **үгдi** üq̣d’ɣ ‘окучивал’; **үгредiлiг** üq̣ɣd’ɣɣl’ɣɣ̄ ‘имеющий образование’.

Звук **q̣** (~ **q̣̄**), определяемый на слух как сверхслабый малозумный велярно-ўвулярный частично оглушенный или глухой, употребляется в ауслaute твердоядных словоформ: **сарыг** saɣoq̣ ‘желтый’, **чахыг** ʃ’ax’oq̣ ‘наказ’, **сайбаг** saɣbəq̣ ‘нарушение’, **суғ** suoq̣ ‘вода’. Как и мягкорядный заднеязычный **q̣** (~ **q̣̄**), звук **q̣** (~ **q̣̄**), оказавшись при словоизменении и словообразований в медиально-интервокальной позиции, выпадает с последующим стяжением гласных: **сарыг** saɣoq̣ ‘желтый’ – **сари** saɣ’i [← saɣoq̣] ‘желтизна=его’; **суғ** suoq̣ ‘вода’ – **сuum** su:m [← suoq̣m] ‘вода=моя’ – **суу** su: [← suoq̣] ‘вода=его’; **чахыг** ʃ’ax’oq̣ ‘наказ’ – **чахим** ʃ’ax’im [← ʃ’ax’oq̣m] ‘наказ=мой’ – **чахи** ʃ’ax’i [← ʃ’ax’oq̣] ‘наказ=его’; **таг** taq̣ ‘гора’ – **таам** ta:m [← taq̣m] ‘гора=моя’ – **таа** ta: [← taq̣] ‘горá=его’. В медиально-преконсонантной позиции согласный **q̣** сохраняется, за исключением позиции, препозитивной по отношению к шумному гоморганному **q**: в этом случае про-

исходит выпадение малошумного q_1 и удлинение гласного компонента аффикса: **чакыг** $\int^{\sim} a\chi^{\sim} o_1$ ‘наказ’ – **чакыглар** $\int^{\sim} a\chi^{\sim} o_1 lar$ ‘наказы’; **таг** tao_1 ‘гора’ – **тагаа** $tao_1 a$: [$\leftarrow^{\sim} ta\chi^{\sim} o_1 a$] ‘горé (дат. п.)’ – **тагда** $tao_1 d\grave{a}$ ‘на горé’ – **тагзар** $tao_1 zar$ ‘на гору’ – **таглар** $tao_1 lar$ ‘горы’.

При этом малошумные звуки g ($\sim \bar{y}$) и q_1 ($\sim \chi$) в ауслатной позиции реализуются как сверхслабые, иногда полностью оглушаясь (χ); в медиали слова при медленном отчетливом произношении в конце слога сохраняют свои качества сверхслабости, малошумности и звонкости, а в начальнoслоговой позиции, маркируемой в хакасском языке некоторым усилением фонической напряженности (хотя и меньшим, чем в анлауте), теряют свои качества и замещаются шумными гоморганными согласными звуками g и q_1 ; в потоке спонтанной речи прослеживается отчетливая тенденция к замещению малошумных согласных $\bar{y}$ и q_1 шумными g и q_1 в любой инлаутной позиции.

Интервокальные шумные g и q_1 замещают при аффиксации финальные гоморганные глухие k и χ (соответственно), и, следовательно, являются реализациями одной шумной фонемы $[\chi]_1$ как находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции, напр.: **сöбк** $s'ü:k$ ‘кость’ – **сöбгim** $s'ü:gim$ ‘кость=моя’, **хулах** $\chi ul\grave{a}\chi$ ‘ухо’ – **хулагым** $\chi ul a:q_1 m$ ‘ухо=мое’. Финальные же звуки – заднеязычный слабосмычный или (факультативно) сверхъузкощелевой g ($\sim \bar{y}$), функционирующий в мягкорядных словоформах, и язычковый щелевой q_1 ($\sim \chi$), употребляющийся в твердорядных словоформах, определены как сингармонические оттенки малошумной фонемы $[q_1]$, напр.: **пilicтиг** $p_1 l_1 i c t_1 i g$ ‘знающий’, **ег** $i \bar{y}$ ‘гни’, **таг** tao_1 ‘гора’, **суг** suq_1 ‘вода’, **пулгаг** $p ul o_1 g$ ‘перемешивание’, **чакыг** $\int^{\sim} a\chi^{\sim} o_1$ ‘наказ’.

Правомерность выделения фонемы $[q_1]$ подтверждается наличием квазиомонимов: **кöг** $k'ü:\bar{y}$ ‘веселье’ – **кöк** $k'ü:k$ ‘зеленый’, **саг** saq_1 ‘дои’ – **сах** $sa\chi$ ‘жаль’, **чаг** $t\int^{\sim} aq_1$ ‘сало’ – **чах** $t\int^{\sim} a\chi$ ‘лепи’.

О фонологическом статусе $[q_1]$ свидетельствуют и некоторые особенности комбинаторики. Препозитивные g ($\sim \bar{y}$) и q_1 , закрывающие слог, могут, аналогично малошумным, сочетаться со звонкими и малошумными согласными: звук $\bar{y}$ – **кöглирге** $k'ü:\bar{y} l'ir'g\grave{z}$ ‘радоваться’, **тигде** $t_1 i g d_1 z$ ‘там’; звук q_1 – **сагба** $saq_1 b\grave{a}$ ‘известие’, **пугдай** $p u q_1 d\grave{a} j$ ‘пшеница’, **садыгчы** $sa d_1 y q_1 z' i$ ‘продавец’, **суглирга** $su q_1 l'ir'g\grave{z}$ ‘поливать’.

Что касается постпозитивных g и q_1 , находящихся в начале слога, то по особенностям комбинаторики – сочетаемость только с препозитивными малошумными – их следует отнести к шумным звонким, напр.: звук g – **кöрерге** $k'ü:r'z'g\grave{z}$ ‘смотреть’, **түлгү** $t'ü:l'gü$ ‘лиса’;

звук σ – **таргах** tarqəx ‘гребень’, **талган** talqəp ‘толокно, талкан’, **хамга** xatqə ‘шаману’, **хыйга** x̣j̣qə ‘умный’.

Анализ **сочетаемости согласных** ниже-тёйского говора в составе медиальных биконсонантных комбинаций позволил выявить функционирование в языке следующих комбинаций: шумный глухой + шумный глухой, шумный глухой + малошумный, шумный звонкий + малошумный, малошумный + шумный глухой, малошумный + шумный звонкий, малошумный + малошумный.

Таким образом, как в препозиции, так и в постпозиции, встречаются все три типа согласных: шумные глухие, шумные звонкие и малошумные. При этом закономерности комбинаторики одинаковы – как для препозиции, так и для постпозиции: шумные глухие сочетаются с шумными глухими и с малошумными, шумные звонкие – только с малошумными, малошумные сочетаются и с шумными глухими, и с шумными звонкими, и с малошумными согласными.

При этом *в корневых морфемах* и *на стыке корня и аффикса* используются все шесть возможных в ниже-тёйском говоре типов двуконсонантных сочетаний; *на стыке аффиксальных морфем* зафиксированы лишь 4 типа: не обнаружены сочетания шумный глухой + малошумный, шумный звонкий + малошумный.

При анализе дистрибуции согласных отдельно рассматривались позиции **внешнего сандхи** – анлаутного и ауслатного. Под сандхи мы понимаем позиционно обусловленное изменение звуков на стыке слов – внешнее сандхи, и на стыке морфем – внутреннее сандхи [Ахманова 1966: 394]. Учет особенностей использования согласных в положениях внешнего сандхи позволит решить спорные проблемы функционирования фонем в позициях абсолютного начала и конца словоформы, важные с точки зрения фонетической типологии.

Позиция начального внешнего сандхи. При решении вопроса о фонематической трактовке звуков $p, t, s, \text{f}(\sim \text{t}\text{f})$, k и χ в позиции анлаутного внешнего сандхи после гласного $-V_{\text{C}}[C]V^*$ или малошумного (сонорного) согласного $-C_3[C]V-$ исходим из того, что рассматриваемая позиция может быть отождествлена в первом приближении с интервокальной позицией $-V[C]V-$, в которой фонемы типа $[p]_1, [t]_1, [s]_1, [z']$, $[\chi]_1$ реализуются в звонких на слух аллофонах b, d, z, z', g и σ (соответственно), а фонемы $[p]_2, [t]_2, [s]_2, [\text{f}(\sim \text{t}\text{f})]$, $[\chi]_2$ – в глухих оттенках $p, t,$

---

* V – гласный, C – согласный, [C] – анализируемый согласный, C₁ – шумный глухой согласный, C₂ – шумный звонкий согласный, C₃ – малошумный согласный.

s, ʃ (~ tʃ), k и χ (соответственно). Такое наблюдение дает основание квалифицировать звуки p, t, s, ʃ (~ tʃ), k и χ в сандхиальных позициях -V [C]V-, -C₃[C]V- как аллофоны фонем [p]₂, [t]₂, [s]₂, [ʃ (~ tʃ)]₂, [χ]₂ (соответственно) на основании артикуляторного и акустического сходства, а звуки типа b, d, z, ʒ, g и q – как реализации фонем [p]₁, [t]₁, [s]₁, [ʒ], [χ]₁ (соответственно).

Как правило, в позиции внешнего сандхи анлаутные шумные глухие согласные не озвончаются: **хара паар** χагə_ра:г ‘черная печень’, **хызыл тат** χьзьл_тат ‘красная ржавчина’, **хара сас** χагə_сас ‘черные волосы’, **хызыл чар** χьзьл_тʃ (~ ʃ)аг ‘красный берег’, **хара кір** χагə_кьг ‘черная грязь’. Но в говоре встретились примеры, в которых согласные p, t, s, χ подвергаются озвончению: **хара паар** χагə_βа:г ‘хояк’, **хара пызо** χагə_βзə ‘черный теленок’, **хара тас** χагə_дас ‘уголь’, **ай соонча** ај_зу:нзʒə ‘тотчас же’, **харагат** χагəгəт ‘черная смородина’, **көзіргет** кʷізʷіргəт ‘костяника’.

Анализ приведенных примеров свидетельствует о том, что в тех случаях, когда словосочетание стянулось и осознается на современном синхронном срезе развития языка как единое сложное слово, начальный глухой компонент второго слова исходного словосочетания, оказавшись, фактически, в интервокальном положении, то есть перейдя из позиции внешнего сандхи в положение внутреннего сандхи, озвончается (не случайно в орфографии лексикализовавшиеся названия ягод обозначаются как одно слово и пишутся слитно: **харагат, хызылгат, көзіргет**; подтверждением завершенности процесса лексикализации является функционирование в словоформе **көзіргет** компонента **хат** ‘ягода’ в мягкорядном варианте в соответствии с законами тюркского сингармонизма, действующего в пределах слова). В тех же случаях, когда мы имеем дело со свободным словосочетанием, озвончения не происходит: **тин хады** тʷі:n_хадь ‘брусника’, **суғ хазы** суғ_хазь ‘берег реки’.

Позиция конечного внешнего сандхи. Анализ материала позволил выявить целый ряд фонетических закономерностей, в соответствии с которыми шумные согласные реализуются в ауслатной позиции внешнего сандхи, т.е. в конце первой словоформы словосочетания перед гласным или малозумным (сонорным) согласным второй словоформы словосочетания: -[C]V-, -[C]C₃V-.

Звук **р**. 1) В простых словосочетаниях озвончения финального р перед гласным второго компонента словосочетания не происходит, что позволяет квалифицировать звук р как реализацию фонемы [p]₂:

сап одыл парған sap_ɔdʲɪ paɾoɾɒn ‘ручка сломалась’, **хап ағыл** χap_ɑɟɪ ‘принеси мешок’, **кип ал** kɪp_al ‘купи пальто’.

2) В аналитических формах глагола и в сложных глагольных формах:
а) если первый компонент словосочетания – однослогового, происходит озвончение р перед начальным гласным второго компонента словосочетания: **хап алим** χaβ_alim ‘возьму’, **суп алзын** suβ_alzɪn ‘пусть остынет’, **сап ал** saβ_al ‘ударь’; б) если первый компонент словосочетания – двуслогового, происходит выпадение узкого гласного второго слога с последующей прогрессивной ассимиляцией финального согласного по звонкости под влиянием препозитивного звонкого или малозвонкого согласного: **чадып алим** tʃadβ_alim ‘полежу’, **сығып алим** sʲɔɟβ_alim ‘выйду’, **азып ал** azβ_al ‘открой’; **көріп ал** kʲür_β_al ‘посмотри’, **көліп ал** kʲül_β_al ‘запряги’; в) если первый компонент словосочетания – трехслогового, происходит выпадение узкого гласного третьего слога с последующей прогрессивной ассимиляцией финального согласного по звонкости под влиянием препозитивного звонкого или малозвонкого согласного: **тыраңнап ал** tʲɾaɳnəβ_al ‘допрыгайся’, **тартызып ал** tartzɪzβ_al ‘поспорь’, **сегіріп ал** sʲegɪrɪβ_al ‘попрыгай’.

3) В лексикализованных словосочетаниях происходит озвончение финального **р** первого компонента словосочетания перед гласным второго слова: **хап орта** χaβ_ɔ:rtə ‘правильно’, **кип-азах** kɪβəzəχ ‘одежда’.

Таким образом, в аналитических и сложных формах глагола, а также в лексикализованных словосочетаниях в позиции ауслатного внешнего сандхи реализуется фонема [p]₁ в своем звонком аллофоне b (~ β), в свободных словосочетаниях – фонема [p]₂.

Звук **s**. 1) В простых словосочетаниях озвончения финального s перед гласным второго слова не происходит, что позволяет трактовать звук s как реализацию фонемы [s]₂: **сас ағарча** sas_ɑɾɟʃɛ ‘волос седеет’, **күс алынча** kʲüs_ɑlɪnʃɛ ‘набирает силу’.

2) В лексикализованных словосочетаниях происходит озвончение финального s первого компонента перед гласным второй словоформы, что указывает на необходимость отождествления звука s с фонемой [s]₁: **пас ағыри** paɪ_ɑɟɪ¹ɪ ‘головная боль’, **тіс ағыри** tɪɪ_ɑɟɪ¹ɪ ‘зубная боль’, **сас ойда** saɪ_ɔjdə ‘навзничь’, **пас азыра** paɪ_ɑzɪ¹ɾə ‘очень много’.

Звук **t**. 1) В простых словосочетаниях озвончения финального t перед гласным второго компонента словосочетания не происходит, что позво-

ляет квалифицировать звук t как реализацию фонемы [t]₂: **сүт ахча** s'üt₂ aχʃɪ 'молоко бежит', **от аларға** ut₂ aləɾɔɟə 'купить сено.'

2) В лексикализованных словосочетаниях происходит озвончение финального t первого компонента словосочетания перед гласным второй словоформы, что указывает на необходимость отождествления его с фонемой [t]₁: **хат аларға** χad₂ aləɾɔɟə 'жениться'.

Звук **к**. 1) В свободных словосочетаниях озвончения финального k перед гласным второго компонента не происходит, что позволяет квалифицировать звук k как реализацию фонемы [χ]₂: **көк аал** kük₂ a:l 'зеленая деревня', **сөбк ағырча** s'ü:k₂ aɟɾɟʃɪ 'кость болит'.

Звук **χ**. 1) В простых словосочетаниях озвончения финального χ перед гласным второго компонента словосочетания не происходит, что позволяет квалифицировать звук χ как реализацию фонемы [χ]₂: **очых ағыл** uʃɪχ₂ a:ɟɪ 'принеси треножник'.

2) В лексикализованных словосочетаниях происходит озвончение финального χ первого компонента словосочетания перед гласным второй словоформы, что указывает на необходимость отождествления его с фонемой [χ]₁: **азах аар** azəχ₁ a:g 'беременная'.

Следовательно, позиции внешнего анлаутного и ауслуатного сандхи являются своеобразным маркером степени аналитизма данного словосочетания [Курпешко, Широкова 1991: 8]: если оно осознается как свободное словосочетание, то в анлауте второго слова или в ауслуате первого функционируют фонемы [p]₂, [t]₂, [s]₂, [ʃ(~ tʃ)], [χ]₂ (как правило, глухие); если же словосочетание стянулось в сложное слово, лексикализовалось, представляет собой аналитическую форму глагола, то в анлауте второго его компонента или в ауслуате первого реализуются фонемы [p]₁, [t]₁, [s]₁, [ʃ], [χ]₁ в своих звонких аллофонах.

Данная закономерность указывает на то, что позиции начала и конца слова маркируются фонемами [p]₂, [t]₂, [s]₂, [ʃ(~ tʃ)], [χ]₂; если же позиция начинает осознаваться как позиция внутреннего сандхи, например, в случае лексикализации сочетания, происходит чередование указанных фонем с фонемами [p]₁, [t]₁, [s]₁, [ʃ], [χ]₁.

Сопоставление результатов исследования ниже-тёйского консонантизма с данными, приведенными В.В. Радловым в его фундаментальном труде «Phonetik der Nördlichen Türk Sprachen» [1882], позволило выявить закономерности, характеризующие **динамику развития** сагайского консонантизма за последние полтора века (если учитывать предшествующий изданию период сбора материала):

система согласных трансформируется по пути спирализации: $q \rightarrow \chi$, $j (d+j) \rightarrow \zeta$, $\check{c} \rightarrow \check{c}'$; если во времена В.В. Радлова 4 из 6 анлаутных шумных согласных были смычными и 1 смычно-щелевой, то в настоящее время 3 из 6 согласных – щелевые;

произошла утрата медиальных биконсонантных сочетаний типа *шумный звонкий + шумный звонкий*: и в пре-, и в постпозиции звонкие согласные комбинируются только с малошумными;

в сочетаниях *шумный глухой + шумный глухой* согласный $\check{s}$ не отмечен в качестве первого компонента, что позволяет констатировать завершенность процесса распада класса комбинаций $\check{s} + \text{шумный глухой}$, проявившийся во времена В.В. Радлова отсутствием в данном ряду лишь одного сочетания $\check{s}s$ (*щелевой шипящий + щелевой свистящий*); завершилось формирование подгруппы комбинаций со 2-м шипящим компонентом $\check{s}'$ (ф): на современном синхронном срезе заполнена существовавшая в XIX веке в системе рассматриваемых сочетаний лагуна $s\check{s}$ (*щелевой свистящий + щелевой шипящий*); такое перемещение долгого (фонически более сильного) согласного $\check{s}'$ из препозиции в постпозицию медиального биконсонантного сочетания свидетельствует о маркированности начала слога большей напряженностью, по сравнению с концом слога;

увеличилось количество типов сочетаний *сонорный + сонорный* (в нашей терминологии – *малошумный + малошумный*), при этом более продуктивно используются препозитивные g и l ;

в современном ниже-тёйском говоре отмечается гораздо более широкий спектр сочетаний *сонорный + шумный глухой* и *сонорный + шумный звонкий*; появились сочетания с сонорным j в препозиции;

в сочетаниях *шумный + сонорный* значительно сократилось число комбинаций со звуком g в качестве второго компонента, но в редких случаях встречается комбинация tr , не отмечаемая В.В. Радловым; существенно расширилась сфера функционирования звуков l и l' в качестве второго компонента сочетаний; появились сочетания zn и dj .

Констатируемые на современном синхронном срезе сагайского диалекта (ниже-тёйский говор) процессы спирализации смычных и аффрикат, расширения сферы функционирования сонорных (малошумных) согласных свидетельствуют о развитии системы по пути ослабления напряженности как артикуляционно-базовом признаке.

В III главе «Системно-структурная организация консонантизма сагайского диалекта хакасского языка (на материале ниже-тёйского говора)» исследование реализаций согласных фонем ниже-

тёйского говора хакасского языка артикуляторными методами статического рентгено- и дентопалатографирования и методами компьютерного акустического анализа звуковых файлов позволило выявить количественно-качественные параметры согласных, проверить их на релевантность и определить системные отношения.

Результаты **артикуляторного** анализа манифестаций согласных фонем свидетельствуют о следующем.

1. **Артикуляторная рядность.** По участию активных речевых органов в продуцировании шумных и малошумных звуков можно выделить *шесть* артикуляторных рядов на *фоническом* уровне: первая артикуляция – губно-губная, вторая – переднеязычная (~ передне-среднеязычная), третья – среднеязычная, четвертая – межзубноязычная, пятая – заднеязычная, шестая – (мягконёбно-)язычковая. На *фонематическом* уровне они объединяются в *четыре* ряда: первый – губно-губной [p]₁, [p]₂, [m]; второй – переднеязычный – [t]₁, [t]₂, [s]₁, [s]₂, [ʃ^ʹ], [tʃ^ʹ], [l], [r], [n]; третий – среднеязычный – [j]; четвертый – межзубно-заднеязычно-язычковый – [χ]₁, [χ]₂, [q], [ŋ]. При этом переднеязычные настройки фонем могут быть апикальными, дорсальными (с разной степенью участия передней части спинки языка – от слабой до сильной) и какуминальными.

2. По **способу образования** шумообразующей преграды **шумные** согласные фонемы делятся на *простые* и *сложные*.

В класс *простых* согласных входят смычные, щелевые и смешанные по способу образования фонемы. К *смычным* относятся фонемы [p]₂, [t «t», «d»]₁, [t]₂; к *щелевым* – [s «s», «z»]₁, [s]₂, [ʃ^ʹ], к *смешанным* – [p «p», «b», «β»]₁, [χ «k», «g», «χ», «q»]₁, [χ «k», «χ»]₂.

Единицы подсистемы, являющиеся центральными с точки зрения локализации в речевом аппарате – это переднеязычные шумные фонемы – четко дифференцированы на смычные и щелевые. Периферийные же по месту образования фонемы – губно-губная [p «p», «b», «β»]₁ и межзубно-заднеязычно-язычковые [χ «k», «g», «χ», «q»]₁, [χ «k», «χ»]₂ – могут реализоваться как в смычных, так и в щелевых оттенках: преимущественно смычная фонема [p]₁ в интервокале имеет факультативный плоскощелевой оттенок «β»; смычность или щелинность аллофонов заднеязычно-язычковых фонем [χ]₁ и [χ]₂ детерминирована палатальной сингармонической рядностью словоформы, то есть, позиционно-комбинаторными условиями: в мягкорядных словах фонемы представлены смычными аллофонами, в твердорядных – щелевыми. Единственное исключение в классе шумных простых согласных составляет пери-

ферийная фонема [p]₂, не имеющая звонких – фонически более слабых – оттенков и всегда реализующаяся как смычная.

В класс шумных *сложных* фонем входит лишь одна *смычно-щелевая* фонема [tʃ̣̥ < [tʃ̣̥ ~ ʃ̣̥ »]. При этом на современном синхронном этапе развития языка смычно-щелевые реализации «[tʃ̣̥]» находятся на крайней периферии системы, реализуясь преимущественно при подчеркнуто медленном отчетливом произношении; в обычной же речи абсолютное предпочтение отдается щелевым сильнопалатализованным аллофонам «[ʃ̣̥]» – процесс спирантизации аффрикаты ʃ, отмеченный В.В. Радловым еще в XIX в., близок к завершению.

Таким образом, характеристика шумных согласных по способу образования является облигаторной лишь в классе простых переднеязычных фонем [t]₁, [t]₂, [s]₁, [s]₂, [ʒ̣̥] и для губной фонемы [p]₂.

Нижне-тёйские *малошумные* согласные фонемы являются *простыми* по способу образования и делятся на *смычные* [m], [n], [ŋ], *щелевые* [l], [j], *смешанные* [ɕ̣̥ < «ɕ̣̥», «ɕ̣̥»] и *мгновеннопреградные* [r]. При этом переднеязычный согласный [l] по медиальному участку настройки является смычным, по боковым – щелевым. Межзубно-заднеязычно-язычковая фонема [ɕ̣̥], как и шумные фонемы данного артикуляторного ряда, в твердорядных словоформах реализуется в щелевом оттенке «ɕ̣̥», в мягкорядных – в слабосмычном «ɕ̣̥».

3. В классе малошумных согласных к числу релевантных признаков относится **ртовость / назальность**: фонемы [l], [r], [j], [ɕ̣̥] являются ртовыми, фонемы [m], [n], [ŋ] – носовые; все шумные – ртовые.

4. Характеристика по **пассивному артикулирующему органу** является *оттенковой* в нижне-тёйском консонантизме; она обусловлена позиционно-комбинаторными условиями функционирования звуков, а также закономерностями свободного варьирования.

5. **Палатализация, веляризация и огубление** являются *оттенковыми* признаками, находящимися в прямой зависимости от палатального сингармонического ряда и наличия в вокальной оси словоформы огубленных гласных; исключения составляют фонемы [tʃ̣̥] и [ʒ̣̥], для которых палатализация – фонематический признак.

6. Для фонем [l] и [r] число **боковых щелей** вариативно: они могут факультативно реализоваться как моно- или билатеральнощелевые.

Акустические характеристики согласных исследовались с помощью компьютерных программ обработки звуковых файлов. Для определения релевантных признаков *шумных* согласных фонем их реализации

рассматривались в интервокальной и в медиально-постсонантной позициях в составе пар квазиомонимов, в каждой из которых различие семантики обусловлено качеством сопоставляемых согласных.

Объективные экспериментально-фонетические данные свидетельствуют о том, что интервокальные глухие согласные *t*, *k*, *χ*, *tʃ* в словоформах **хаты**, **ікі**, **таха**, **ачы** действительно являются глухими – глухие компоненты в них составляют от 67,8 до 93,9% от длительности всего звука. Но так называемые звонкие согласные *d*, *g* и *q* в словоформах **хады**, **эгі**, **тагаа** реализуются преимущественно в глухих компонентах – звонкость составляет от 21,5 до 48,5% от длительности всего звука; исключение составляет звук *z* в слове **ача** – 69,7% звонкости позволяют считать его действительно звонким.

В то же время, звуки *t*, *tʃ*, *k*, *χ*, с одной стороны, и звуки *d*, *z*, *g*, *q*, с другой, достаточно четко (за исключением пары фонов *t*–*d*) противопоставлены по признаку квантитативности: если абсолютная длительность звуков *t*, *k*, *χ*, *tʃ* составляет от 209 до 238 мс, то длительность звуков *d*, *g*, *q*, *z* зафиксирована в разбросе 76–162 мс. Если в каждой паре квазиомонимов принять абсолютную длительность (АД) краткого (звонкого) согласного за 100%, то относительная длительность (ОД) долгих (глухих) согласных будет составлять у звука *t* – 145,7%, у звука *k* – 200,9%, у звука *χ* – 151,5%, у звука *tʃ* – 313,2%.

Медиально-постсонантные глухие согласные *t*, *s*, *k*, *χ*, *tʃ* (~ *ʃ*) в словоформах **тинті**, **хырса**, **килкім**, **орха**, **хайча** действительно являются глухими – глухие компоненты в них составляют от 81,1 до 100,0% длительности всего звука. Но так называемые звонкие согласные *d*, *z*, *g*, *q* и *z* в словоформах **танда**, **хырзар**, **килгем**, **орган**, **хайчы** реализуются преимущественно в полувзвонких компонентах – звонкость составляет от 52,0 до 60,0% длительности всего звука; исключение составляет фонны *z* и *z* в словоформах **хырзар** и **хайчы**, звонкость которых составляет 100%.

В то же время, звуки *t*, *s*, *k*, *χ*, *tʃ* (~ *ʃ*), с одной стороны, и звуки *d*, *z*, *g*, *q*, *z*, с другой, различаются по признаку квантитативности: если абсолютная длительность звуков *t*, *s*, *k*, *χ*, *tʃ* (~ *ʃ*) составляет от 115 до 192 мс, то длительность звуков *d*, *z*, *g*, *q*, *z* зафиксирована в разбросе 54–98 мс (исключение и здесь составляет звук *z*, длительность которого – 135 мс). Если в каждой паре квазиомонимов принять АД краткого (звонкого) согласного за 100%, то ОД долгих (глухих) согласных будет составлять: у звука *t* – 117,3%, у звука *s* –

158,4%; у звука k – 141,1%, у звука χ – 268,5%, у звука tʃ (~ ʃˀ) – 142,2%. То есть, медиально-постсонантные согласные в большей мере, чем интервокальные, различаются по признаку глухости/звонкости, но с меньшей долей вероятности можно говорить о различии медиально-постсонантных согласных по признаку количественности.

Анализ характеристик интервокальных согласных позволяет утверждать, что подсистема шумных консонантов ниже-тёйского говора строится на противопоставлении по краткости/долготе, а не на оппозиции по глухости/звонкости. В таком случае можно было бы говорить о том, что различие согласных по количественным параметрам является основным фонематическим признаком, а характеристика по работе голосовых связок – сопутствующим. Но данные по медиально-постсонантным реализациям указывают на оппозиции согласных как по звонкости/глухости, так и по длительности.

Таким образом, приведенный материал свидетельствует о переходном характере консонантной системы в ниже-тёйском говоре – в соответствии с законами имманентного развития и под влиянием русского языка оппозиция по длительности вытесняется оппозицией по работе голосовых связок.

Результаты исследования качественно-количественных параметров согласных ниже-тёйского говора сагайского диалекта хакасского языка инструментальными методами с последующей проверкой выявленных характеристик на релевантность позволили определить систему, включающую 17 консонантных единиц, и дать им полное фонематическое определение. В обобщенном виде система согласных представлена в таблице на схеме 1.

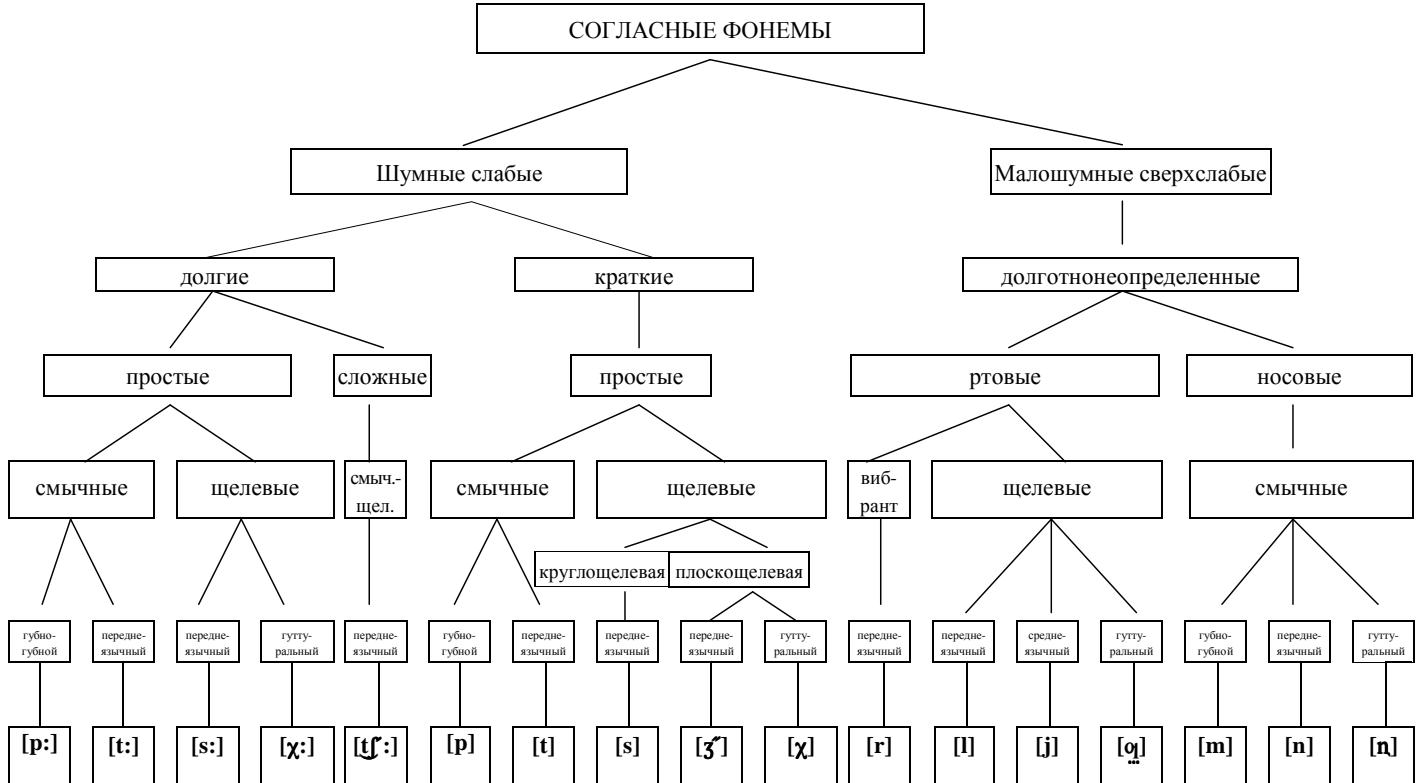
В IV главе «**Консонантные системы в тюркских языках Южной Сибири в сопоставительном аспекте**» излагаются результаты сопоставительно-типологического анализа систем согласных фонем и их субстантной базы в контактных южносибирских тюркских языках, диалектах и говорах, позволившего выявить интегрирующие и специфические характеристики систем.

Инвентари согласных фонем в сопоставляемых языках различаются как количественным, так и качественным составом единиц.

Как отмечалось выше, в *нижне-тёйском говоре* функционируют 17 единиц консонантной системы – 10 шумных и 7 малошумных.

Сагайский и качинский диалекты хакасского языка имеют по 16 согласных фонем: 5 сонантов – **м, н, џ, л, р**, и 11 шумных согласных –

ХАКАССКИЙ КОНСОНАНТИЗМ
(нижне-тёйский говор сагайского диалекта)

п, т, д, к, г, ч, ц, с, й, х, ґ [Чанков 1957: 106]. Эти диалекты отличаются от ниже-тёйского говора меньшим общим количеством фонем, большим числом шумных единиц и меньшим – сонорных, что объясняется трактовкой фонемы **й** как шумной и невыделением сонорной фонемы **ґ** (**ґ**).

Алтайский язык имеет 17 согласных фонем: 10 шумных – [p], [p:], [t], [t:], [s], [ʃ^ˈ], [ħc:], [k], [k:], [h], и 7 малошумных – [m], [l], [r], [n], [j], [ɲ], [ŋ] [Чумакаева 1978: 214]. Алтайский консонантизм, совпадая с ниже-тёйским говором хакасского языка по количеству единиц системы, отличается отсутствием шумных фонем (долгой [s:], краткой [ʒ^ˈ]) и малошумной [ɔj], но функционированием в системе шумных кратких [ʃ^ˈ], [h] и малошумной среднеязычной [ɲ], которых нет в ниже-тёйском.

Язык кумандинцев имеет 17 согласных фонем: 9 шумных – [p], [p:], [t], [t:], [s], [ʃ^ˈ], [ħc:], [k], [k:], и 8 малошумных – [m], [l], [r], [n], [j], [χ], [ɲ] [Селютина 1983: 154–155]. Система согласных языка кумандинцев включает, как и ниже-тёйский говор, 17 фонем, но шумных единиц в кумандинском 9, а малошумных – 8: в языке кумандинцев нет долгой [s:] и краткой [ʒ^ˈ], но есть шумная краткая фонема [ʃ^ˈ] и малошумная [ɲ].

Язык туба-кижи имеет 18 фонем: 11 шумных – [p], [p:], [t], [t:], [s], [ʃ^ˈ], [ʃ^ˈ], [ʃ^ˈ], [ħc:], [k], [k:], и 7 малошумных – [m], [l], [r], [n], [j], [χ], [ɲ] [Сарбашева 2002 б: 203; 2004: 216]. Инвентарь фонем языка туба-кижи отличается от ниже-тёйского отсутствием в системе долгой [s:] и краткой [ʒ^ˈ], но наличием трех щелевых шипящих фонем с различной степенью палатализации: [ʃ^ˈ], [ʃ^ˈ], [ʃ^ˈ]; состав малошумных единиц совпадает с ниже-тёйским.

Язык чалканцев имеет 18 согласных фонем: 12 шумных – [p], [t], [s], [ʃ], [ħ], [q], [β], [d], [z], [ʒ], [j], [χ], [γ], и 6 малошумных – [m], [n], [l], [r], [ɲ], [ŋ] [Кирсанова 2003: 119]. В языке чалканцев ниже-тёйским долгим фонемам [p:], [t:], [s:], [ʃ^ˈ:], [χ:] соответствуют долгие же чалканские фонемы [p], [t], [s], [ʃ], [q]; ниже-тёйским кратким [p], [t], [s], [ʒ^ˈ], [χ] соответствуют чалканские краткие [β], [d], [z], [ʒ], [γ]. Кроме того, к шумным единицам в языке чалканцев отнесены долгий [ħ] и краткий [j]; в системе малошумных нет [j] и [γ] (перешли в систему шумных – как в сагайском и качинском диалектах хакасского), но есть фонема [ɲ].

Шорский язык (мрасский диалект) имеет 35 фонем: 19 шумных – [p^c], [p^ˈ], [p^ˈ], [t^c], [t^ˈ], [t^ˈ], [s^c], [s^ˈ], [s^ˈ], [ʃ^c], [ʃ^ˈ], [ʃ^ˈ], [ʃ^c], [ʃ^c], [χ^c], [ħʃ^ˈ],

[ʰɥc:], [k^c], [k·], [ʰk:], [ɢ·], и 16 малошумных – [m^c], [m·], [ʰm:], [n·], [ʰn:], [ɲ^c], [ɲ·], [ʰɲ:], [ɲ^c], [j], [ʲ], [ʰj:], [ʲ^c], [ʲ·], [ʰʲ:], [ʲ^c], [k^c] и пяти долгих эйективно-инъективных фонем ([p:], [t:], [s:], [ʰɥc:], [ʰk:]), соответствующих ниже-тёйским кратким и долгим единицам, выделяются пять полудолгих статичных фонем ([p·], [t·], [s·], [ɥ·], [k·]), а также три шипящие фонемы ([ʃ^c], [ʃ·], [ʰʃ:]) и корнеязычная фарингальная фонема [ɢ·], не имеющие соответствий в ниже-тёйском говоре.

Язык барабинских татар имеет 19 фонем: 12 шумных – [p], [ʰp], [t], [ʰt], [s], [ʰs], [ʃ], [ʰʃ], [ʰtʃ], [q], [ʰq], [x], и 7 малошумных – [m], [w], [ɭ], [r], [n], [j], [ɲ] [Рыжикова 2003: 141; 2005: 180]. В подсистеме шумных согласных барабинско-татарского языка выделяются пары нефарингализованных и фарингализованных фонем [p] – [ʰp], [t] – [ʰt], [s] – [ʰs], [q] – [ʰq], соответствующих ниже-тёйским кратким и долгим фонемам [p] – [p:], [t] – [t:], [s] – [s:], [χ] – [χ:]; барабинско-татарская фарингализованная фонема [ʰtʃ] соответствует ниже-тёйской долгой фонеме [tʃ:], но соответствия краткой фонеме [ʒ^c] у барабинцев нет. Кроме того, в языке барабинских татар констатируется пара фонем [ʃ] – [ʰʃ] и фарингальная [x], не имеющие коррелятов в ниже-тёйском. В подсистеме малошумных у барабинцев нет гуттуральной фонемы [ɣ], но есть губная фонема [w].

Сут-хольский говор центрального диалекта тувинского языка имеет 16 согласных фонем: 9 шумных – [p^c], [p], [t^c], [t], [s], [ʃ], [tɕ], [k], [x], и 7 малошумных – [m], [ɭ], [r], [n], [j], [ɣ], [ɲ] [Кечил-оол 2004: 299]. Если в барабинско-татарском языке обнаруживаются четыре пары шумных фонем, соответствующих ниже-тёйским кратким и долгим, то в сут-хольском говоре – лишь две пары, единицы которых различаются как слабые и сильные: [p] – [p^c], [t] – [t^c]; остальные шумные фонемы ([s], [ʃ], [tɕ], [k], [x]) квалифицируются в сут-хольском говоре как слабые, не имеющие сильных коррелятов. Состав малошумных фонем полностью совпадает с ниже-тёйским.

Таким образом, в сопоставляемых языках, диалектах и говорах выделяется от 16 до 19 согласных фонем; исключение составляет шорский язык, в котором функционируют 35 консонантных единиц.

Прежде всего, различия инвентарей согласных фонем касаются количества *шумных* единиц, соответствующих ниже-тёйским долгим. Наиболее развернутой и симметричной является система шумных со-

гласных в шорском языке, организованная по трихотомическому принципу. Все остальные системы – бинарные.

Наиболее уравновешенной представляется система шумных в языке чалканцев, в звуковой системе которого функционируют шесть пар шумных согласных, состоящих в оппозиции по краткости-долготе: [p] – [β], [t] – [d], [s] – [z], [ʃ] – [ʒ], [h] – [j], [q] – [ɣ], хотя, на наш взгляд, вызывает сомнение трактовка фонемы [h] как долгой, а фонемы [j] – как краткой. Далее следует язык барабинских татар, в котором пять нефарингализованных фонем, соответствующих ниже-тёйским кратким (кроме фонемы [ʃ]), коррелируют с пятью фарингализованными, соответствующими ниже-тёйским долгим (кроме [ʃ]): [p] – [p̠], [t] – [t̠], [s] – [s̠], [ʃ] – [ʃ̠], [q] – [q̠]; непарными являются только фонемы [ʔ] и [x].

Что касается подсистем шумного консонантизма алтайского, кумандинского, тубинского языков, то в них долгие корреляты кратких фонем констатируются лишь для смычных фонем: [p] – [p:], [t] – [t:], [k] – [k:]. Кроме того, в алтайском выделена пара коррелятов [h] – [h̠:], краткие фонемы [s] и [ʃ̠] остаются непарными по основному системообразующему признаку. В кумандинском и тубинском непарными по признаку длительности являются те же краткие [s] и [ʃ̠], а также долгая аффриката [h̠:]; при этом в языке туба-кижи кроме слабопалатализованной фонемы функционируют умеренно- и сильнопалатализованная краткие единицы [ʃ̠] и [ʃ̠ʰ].

Наименее симметрична подсистема шумных консонантов сут-хольского говора тувинского языка: в нем зафиксированы лишь две пары смычных фонем ([p] – [p̠ʰ], [t] – [t̠ʰ]), остальные пять слабых согласных единиц, в том числе и смычная гуттуральная [k̠], не противопоставлены соответствующим сильным фонемам.

Как видно из обзора субсистем шумных согласных в южносибирских тюркских языках, максимум несовпадений приходится на класс шипящих согласных – щелевых и смычно-щелевых.

Более единообразен состав *малошумных* согласных фонем. По инвентарю малошумных единиц системы ниже-тёйский говор полностью совпадает с языком туба-кижи и с сут-хольским говором тувинского, то есть с языками, входящими (полностью или по ряду признаков) в состав уйгуро-урянской группы тюркских языков.

В ниже-тёйском говоре, в сагайском и качинском диалектах хакасского языка и сут-хольском говоре тувинского языка, а также в барабинско-татарском нет среднеязычной фонемы [ɲ], которая функционирует

в алтайском, кумандинском, чалканском, шорском языках; в языке туба-кижи согласный «р» зафиксирован в качестве аллофона фонемы [j].

Нижне-тёйский, кумандинский, тубинский, шорский и сут-хольский малозумный консонантизм объединяет наличие типично саяно-североалтайской фонемы [o], не функционирующей в алтайском, чалканском и барабинско-татарском языках; в сагайском и качинском диалектах хакасского языка, на наш взгляд, данная фонема представлена ауслатными согласными г и ғ.

В отличие от других языков, в барабинско-татарском выделяется губная фонема [w], типичная для кыпчакских тюркских языков; в языке туба-кижи и в тувинском «w» имеет статус аллофона фонемы [p].

При наличии определенных сходств в составе фонем в языках Южной Сибири, обнаруживаются значительные расхождения в аллоэмических системах и в субстантных базах.

Системы согласных фонем. Во всех сопоставляемых языковых образованиях консонантные системы подразделяются на два класса: класс *шумных* и класс *малозумных* согласных. К малозумным относятся согласные фонемы, традиционно квалифицируемые как сонорные, но, в отличие от них, не всегда реализующиеся в звучных оттенках и имеющие в определенных позиционно-комбинаторных условиях полувзвонки, частичнозвонки и глухие аллофоны.

Шумность и малозумность являются акустическими эффектами различной степени *напряженности* артикулирующих органов: шумные фонемы продуцируются при *сильной* или *слабой* напряженности (в тувинском, шорском, барабинско-татарском языках) или только при *слабой* (в хакасском, алтайском, кумандинском, тубинском, чалканском языках), в то время как малозумные произносятся, как правило, при сверхслабой напряженности речевого аппарата.

Как свидетельствуют результаты инструментального исследования, нижне-тёйский консонантизм структурируется оппозицией единиц по *квантитативным* параметрам: шумные согласные противопоставлены как *краткие* и *долгие*, малозумные квалифицированы как *долготные-определенные*.

Типологически сходны с нижне-тёйской консонантные системы алтайского, кумандинского, чалканского, тубинского языков.

Шумным согласным алтайского языка, кроме переднеязычных шумных щелевых [s] и [ʃʰ], свойственна оппозиция по длительности: соотношение показателей относительной длительности кратких и долгих со-

гласных в интервокальной позиции составляет в среднем 100:167 [Чумакаева 1978: 53]. Малошумные согласные реализуются как в кратких, так и в долгих оттенках.

В языке кумандинцев количественные характеристики шумных парно гоморганных фонем при их реализациях в тождественных позиционно-комбинаторных условиях – в интервокальной -V[C]V- и медиально-постсонантной -VC₃[C]V- позициях – объединяются в две долготно-фонематические зоны: зону краткости, в пределах 26,5–110,6% средней длительности звука (СДЗ), и зону долготы, в пределах 111,2–183,6% СДЗ. Такая стабильная инвариантная распределенность долготных характеристик по двум достаточно четко выдержанным зонам позволила квалифицировать эти зоны как КДП рассматриваемых фонем и определить фонемы как краткие [p], [t], [k] и долгие [p:], [t:], [k:]. Квантитативные характеристики оттенков шумных фонем [s] и [ʃ], а также малошумных [m], [n], [l], [r], [j], [ɹ], [ŋ], [ɣ], отличающихся большой вариативностью, позволили квалифицировать эти фонемы как долготнонеопределенные [Селютина 1983].

Как количественные данные, так и артикуляторные параметры реализаций шумных согласных фонем языка чалканцев свидетельствуют, что в основе различения фонем [p], [t], [s], [ʃ], [h], [q], с одной стороны, и фонем [β], [d], [z], [ʒ], [j], [ɣ], с другой, лежит признак долготы-краткости, сопровождающийся признаками силы артикуляторного напряжения и глухости-звонкости [Кирсанова 2003: 118].

Характеристика согласных по количеству является системообразующей для тубинского консонантизма. Шумные согласные представлены краткими [p], [t], [k], долгими [p:], [t:], [hɕ:], [k:] и долготнонеопределенными [s], [ʃ^ˀ], [ʃ^ˁ], [ʃ^{ˁˁ}] фонемами; малошумные согласные [m], [l], [r], [n], [j], [ɣ], [ŋ] – долготнонеопределенные [Сарбашева 2004: 185–190, 216].

Основным фонематическим признаком, структурирующим сучольский консонантизм, является **степень напряженности**: фонемы противопоставлены как *сильные/слабые/сверхслабые*. Класс шумных *сильных* фонем включает 2 фонемы: [p^c] и [t^c]; шумных *слабых* – 7 фонем: [p], [t], [s], [l], [hɕ], [k], [ɣ]; малошумных *сверхслабых* – 7 единиц: [m], [r], [l], [n], [j], [ɣ], [ŋ] [Кечил-оол 2004: 20–23].

Иной тип систем согласных фонем, организованных противопоставлением по наличию-отсутствию глоттализации, констатируется в шорском и барабинско-татарском языках.

В шорском языке (мрасский диалект) система шумных согласных структурируется тройной оппозицией *по типу работы гортани и языка*: инъективно-эйективные/статичные/эйективно-инъективные. *Инъективно-эйективные согласные* [p^c], [t^c], [s^c], [ʃ^c], [tʃ^c], [k^c] продуцируются при опускающейся гортани и продвигающемся вперед теле языка; *статичные* [p·], [t·], [s·], [ʃ·], [hʃ·], [k·], [q·] – при нейтральном положении гортани и языка; *эйективно-инъективные* [ʔp:], [ʔt:], [ʔs:], [ʔʃ:], [ʔhʃ:], [ʔk:], [ʔq:] – при поднимающейся гортани и оттягивающемся назад корне языка. Тип работы гортани и языка – основной КДП в системе консонантизма [Уртегешев 2002: 264–266].

Характер организации системы согласных в языке барабинских татар близок к тому, что и в шорском языке: консонантизм определяется оппозицией по *фарингализованности/нефарингализованности* настроек. Степень артикуляторной напряженности является КДП, обусловленным наличием / отсутствием фарингализации. Все согласные делятся на фарингализованные напряженные – [ʔp], [ʔt], [ʔs], [ʔʃ], [ʔtʃ], [ʔq], нефарингализованные ненапряженные – [p], [t], [s], [ʃ], [q], [x] и нефарингализованные слабонапряженные – [m], [w], [l], [r], [n], [j], [ŋ] [Рыжикова 2005: 170].

В южносибирских тюркских языках не выявлено консонантных систем, для которых основным КДП является наличие-отсутствие работы голосовых связок. В сибирском регионе такие системы зарегистрированы только в северных тюркских языках – якутском и долганском. В долганском языке при общей тенденции к противопоставлению шумных согласных по признакам глухости-звонкости намечается стремление к оппозиции по длительности [Бельтюкова 2004].

Результаты инструментального исследования ниже-тёйского консонантизма также позволили зафиксировать стремительно развивающийся процесс перехода системы в качественно иное состояние: подчиняясь законам внутреннего развития, а также испытывая сильное влияние русского языка, квантитативно ориентированная система согласных перестраивается на оппозицию по звонкости-глухости.

В Заключении подведены итоги исследования.

Системно-структурная организация ниже-тёйского консонантизма по квантитативным признакам, свидетельствующая о наличии угро-самодийского субстрата, позволяет отнести говор к *саяно-алтайской ветви циркумбайкальского языкового союза*, а наличие фонемы [q] выделяет внутри названной группы языки *саяно-североалтайского ареала*.

Вместе с тем, состав малошумных фонем и отсутствие в системе фонемы [ɲ] сближает ниже-тёйский говор с тюркскими языками, входящими в уйгуро-урянхайскую группу *байкало-саянской ветви* союза. Бедность локальных классов среднеязычных и гуттуральных согласных обуславливает более передний характер консонантизма, определяя специфику говора в южносибирском регионе и сближая, наряду с процессами «перелома» гласных и фонологизации позиционной длительности, с *западными тюркскими языками*.

Неоднородность фонетического ландшафта ниже-тёйского говора хакасского языка является отражением разновременных и разнохарактерных взаимодействий этносов и их языков.

Публикации по теме диссертации:

1. Инвентарь хакасских шумных согласных фонем (говор села Нижняя Тёя) // Материалы XXXVI Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Филология. Новосибирск, 1998. С. 65–67.

2. Дистрибуция хакасских малошумных согласных (говор села Нижняя Тёя) // Материалы XXXVII Междунар. научной студенческой конфер. «Студент и научно-технический прогресс». Филология. Новосибирск, 1999. С. 95–97.

3. Дифференциальные признаки шумных консонантов (на материале ниже-тёйского говора хакасского языка) // Материалы XXXVIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Филология. Новосибирск, 2000. С. 52–53.

4. Дистрибуция хакасских малошумных согласных (говор села Нижняя Тёя) // Вторая зимняя типологическая школа. Материалы международной школы-семинара молодых ученых по лингвистической типологии и антропологии. М., 2000. С. 177–179.

5. Биконсонантные сочетания в хакасском языке (говор села Нижняя Тёя) // Чтения памяти Э.Ф. Чиспиякова. Ч. II. Новокузнецк, 2000. С. 27–29.

6. Консонантные сочетания на стыке морфем (в ниже-тёйском говоре хакасского языка) // Материалы международной конференции «Письменность: Становление и развитие науки в Туве». Ч. I. Кызыл, 2000. С. 37–38.

7. Хакасские консонанты в позиции внешнего сандхи // Материалы XXXIX Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Языкознание. Новосибирск, 2001. С. 121–122.

8. Биконсонантные сочетания в сагайском диалекте хакасского языка: морфонологический анализ // Языки коренных народов Сибири. Вып. 9. Фонологические системы. Новосибирск, 2001. С. 97–111.

9. Конститутивно-дифференциальные признаки хакасского консонантизма (на материале сагайского диалекта) // Третья зимняя типологическая школа: Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Материалы лекций и семинаров. М., 2002. С. 250–252.

10. Некоторые особенности хакасского консонантизма (на материале ниже-тёйского говора) // Материалы XL Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Языкознание. Новосибирск, 2002. С. 126–128.

11. V.V. Subrakova. Constitutive-distinctive features of Khakas consonantism // ICTL 2002. 11th International Conference on Turkish Linguistics. August 7–9, 2002. Abstracts. Gazimagusa – North Cyprus, 2002. P. 88–89.

12. Биконсонантные сочетания в хакасском языке: морфологический анализ // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Материалы международной конференции XXIII Дульзоновские чтения. Ч. II. Томск, 2002. С. 200–205.

13. Системно-структурная организация консонантизма ниже-тёйского говора хакасского языка // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск. 2002. № 4. С. 21–26.

14. Шумные гуттуральные согласные ниже-тёйского говора хакасского языка // Материалы XLI Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Языкознание. Новосибирск, 2003. С. 95–97.

15. Артикуляторные характеристики шумных переднеязычных согласных хакасского языка (на материале ниже-тёйского говора сагайского диалекта) // Материалы XLIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Языкознание. Новосибирск, 2005 С. 121–123.

16. Структурно-таксономическая организация хакасского консонантизма (на материале ниже-тёйского говора) // Тезисы международной научно-практической конференции «XXIV Дульзоновские чтения». Томск, 2005 (в печати).

17. Артикуляторные настройки шумных согласных сагайского диалекта хакасского языка // Материалы региональной научно-практической конференции «Сохранение и развитие родного языка в условиях полиэтнического пространства». Горно-Алтайск, 1–2 июня 2004 (в печати).

18. Артикуляторные характеристики малозумных согласных сагайского диалекта хакасского языка (на материале ниже-тёйского говора) // Материалы конференции «Языки народов Сибири и сопредельных регионов». Новосибирск, 5–7 октября 2004 (в печати).